

Содержание

Взгляни на арлекинов!

Часть первая

15

Часть вторая

115

Часть третья

195

Часть четвертая

229

Часть пятая

291

Часть шестая

323

Часть седьмая

345

Андрей Бабиков

Окольные мемуары Набокова,
или Discours sur les ombres

367

Комментарии

395

Русский текст в романе

460

Приложение

I

Из писем Владимира и Веры Набоковых
о романе «Взгляни на арлекинов!»

465

II

[Е.В. Сикорская.
Впечатления о поездке в СССР]

472

Взгляни
на арлекинов!

Другие книги повествователя

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

- Тамара, 1925
Пешка берет королеву, 1927
Полнолуние, 1929
Камера люцида («Расправа под солнцем»
в английском переводе), 1931
Красный цилиндр, 1934
Подарок отчизне, 1950

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

- See under Real («См. в разделе “Истинная”»), 1939
Esmeralda and Her Parandrus
(«Эсмеральда и ее парандр»), 1941
Dr. Olga Pepnin («Д-р Ольга Репнина»), 1946
Exile from Mayda («Изгнание с Майды»), 1947
A Kingdom by the Sea («Княжество у моря»), 1962
Ardis («Ардис»), 1970

Часть первая

1

Первую из трех или четырех своих жен, сменявших одна другую, я встретил при довольно странных обстоятельствах, развитие которых напоминало неуклюжий тайный сговор, с ничемными подробностями и главным крамольником, не только не имевшим представления относительно его истинного предмета, но еще настаивавшим на совершении бессмысленных действий, исключавших, казалось бы, малейшую возможность успеха. И все же из самих этих промахов ему невольно удалось сплести паутину, в которую ряд моих ответных оплошностей заставил меня угодить и выполнить предназначение, составлявшее единственную цель заговора.

Как-то во время весеннего триместра моего последнего года в Кембридже (1922) я согласился, «будучи русским», разъяснить кое-какие тонкости в устройстве гоголевского «Ревизора». Его готовила к постановке, в английском переводе, театральная группа «Светлячок», руководимая Айвором Блэком, талантливым актером-любителем. У нас был общий наставник в Тринити-кол-

ледже, и он едва не свел меня с ума, без конца изображая жеманные ужимки старика, — спектакль, продолжавшийся почти все время нашего завтрака в «Питте». Короткая деловая часть разговора вышла еще менее приятной. Айвор Блэк намеревался облачить Городничего в утренний халат, поскольку «вся пьеса ведь просто дурной сон старого пройдохи, и разве ее русское название, “Ревизор”, не происходит от французского *gêve* — сон?». Я сказал, что, на мой взгляд, это кошмарная идея.

Если и были репетиции, они прошли без моего ведома. Собственно, как мне только что пришло в голову, я не уверен даже в том, что его постановка когда-либо предстала перед огнями рампы.

Вскоре после этого я встретился с Айвором Блэком во второй раз — на какой-то вечеринке, во время которой он пригласил меня и еще пятерых человек провести лето на Лазурном Берегу на вилле, только что унаследованной им, как он сказал, от престарелой тетки. Он тогда едва стоял на ногах, и неделю спустя, накануне своего отъезда, выглядел весьма озадаченным, когда я напомнил ему о его дивном приглашении, каковое, как оказалось, лишь я один и принял. «Мы с тобой — двое никому не нужных сирот, — заметил я, — и нам лучше держаться вместе».

Болезнь заставила меня провести в Англии весь следующий месяц, и только в начале июля я послал Айвору Блэку вежливую открытку с извещением, что я могу прибыть в Канн или Ниццу на следующей неделе. Я почти уверен, что упомянул субботу,

вторую половину дня, как наиболее вероятное время приезда.

Попытки телефонировать со станции ни к чему не привели: линия оставалась занятой, а я не из тех, кто упорствует в борьбе с дефектными абстракциями пространства. Однако мой полдень был испорчен, притом что полуденное время у меня любимый пункт в повестке дня. В начале своего долгого путешествия я убедил себя, что мне уже много лучше; теперь мое состояние было ужасным. День выдался не по сезону пасмурным и унылым. Пальмы не раздражают только в миражах. По какой-то причине таксомоторов, как в дурном сне, было не сыскать. В конце концов я забрался в маленький провонявший автокар из синей жести. Поднимаясь по петливой дороге, со столькими же поворотами, сколько было остановок «по требованию», штуковина на колесах дотаскилась до моей цели за двадцать минут — и приблизительно за то же время я добрался бы туда пешком от взморья по легкому короткому пути, который я тем волшебным летом выучил наизусть: камень за камнем, раakitник за акатником. Оно казалось каким угодно, только не волшебным, во время той безрадостной поездки! Я согласился приехать главным образом в надежде утихомирить в «лощенных волнах» (Беннетт? Барбеллион?) нервное расстройство, окаймлявшее безумие. Левая сторона моей головы теперь превратилась в кегельбан боли. С другой стороны из-за спинки переднего кресла на меня поверх материнского плеча глазело тупое дитя. Я сидел рядом с покрытой бо-

родавками женщиной во всем черном и сглатывал тошноту, качаясь между зеленым морем и серой скалой. К тому времени, как мы наконец доехали до деревни Карнаво (облезлые стволы платанов, живописные лачуги, почта, церковь), все мои мысли сосредоточились на одном золотистом образе: бутылке виски у меня в сумке, которую я вез в подарок Айвору Блэку и которую я поклялся откупорить до того, как она попадетс ему на глаза. Шофер оставил без внимания мой вопрос, но похожий на черепаху маленький пастор с большущими ступнями, сходивший первым, указал, не глядя на меня, на боковую аллею. Довиллы «Ирис», сказал он, идти три минуты.

Лишь только я взялся за две свои сумки, чтобы двинуться по этому проулку к треугольнику неожиданно выглянувшего солнца, как на противоположном тротуаре показался мой предполагаемый хозяин. Помню — и это полвека спустя! — что я вдруг усомнился: а подходящую ли одежду я взял с собой? На нем были брюки гольф и грубые башмаки, но несообразно с этим недоставало чулок, и обнаженные части голеней были отчаянно-красными. Он шел на почту или сделал вид, будто идет на почту, чтобы послать мне телеграмму с просьбой отложить свой приезд до августа, когда служба, которую он получил в Каннице, не будет более препятствовать нашим увеселениям. Он, сверх того, надеялся, что Себастьян — кем бы он ни был, — возможно, все еще приедет к сезону винограда или на бал лаванды. Бормоча все это себе под нос, он взял у меня из рук меньшую ношу — ту, в которой

были туалетные принадлежности, медикаменты и почти завершённый венок сонетов (посланный в конце концов в один парижский эмигрантский журнал), а затем схватил и саквояж, который я поставил на панель, чтобы набить трубку. Полагаю, что такая повышенная внимательность к мелочам объясняется тем, что они случайно оказались в освещении передовых лучей грядущего великого события. Айвор нарушил молчание и, хмурясь, добавил, что он счастлив принимать меня в своем доме, но что он должен меня кое о чем предупредить — о чем следовало сказать еще в Кембридже. К концу недели или около того я могу взвыть от тоски из-за одного грустного обстоятельства. Его бывшая гувернантка, мисс Грант, бессердечная, но умная особа, любила повторять, что его младшая сестра никогда не нарушит правило, гласящее, что «детей не должно быть слышно», да, собственно, никогда это правило и не услышит. Грустное обстоятельство состояло в том, что его сестра... Впрочем, он лучше отложит изложение ее случая до тех пор, пока мы с поклажей не доберемся до дома.

2

«Что за детство было у *тебя*, Макнаб?», как Айвору нравилось меня называть, поскольку, как ему казалось, я походил на одного осунувшегося, хотя и смазливового молодого актера, взявшего этот псевдоним в последние годы своей жизни, или, по крайней мере, славы.

Чудовищное, невыносимое. Должен существовать всепланетный, междупланетный закон против такого нечеловеческого зачина жизни. Если бы в возрасте девяти или десяти лет мои болезненные страхи не сменились более абстрактными и избитыми тревогами (проблемами бесконечности, вечности, идентичности и т. п.), я бы утратил рассудок задолго до того, как обрел свои рифмы. Речь не о темных комнатах, или однокрылых агонизирующих ангелах, или длинных коридорах, или кошмарных зеркалах, с отражениями, растекающимися грязными лужицами на полу, — нет, то была не *такого* рода опочивальня ужасов, но, проще и намного страшнее, мне не давала покоя некая коварная и прочная связь с иными состояниями бытия, не именно «предшествующими»

или «грядущими», а вовсе вне границ и пределов, говоря языком смертных. Мне предстояло узнать больше, гораздо больше об этих ноющих сочленениях только несколько десятилетий спустя, так что «не будем опережать события», как сказал приговоренный к смертной казни, отвергая засаленную наглазную повязку.

Услады юности даровали мне временное облегчение. Я был избавлен от угрюмого периода самоублажения. Будь благословенна моя первая незабвенная любовь, дитя в вертограде, пытливые забавы — и пять ее расставленных пальцев, с которых капают жемчужины изумления. Губернер позволил мне разделить с ним инжениу из частного театра моего двоюродного деда. Две молодые развратные леди нарядили меня однажды в кружевную женскую сорочку и парик Лорелеи и, как в скабрешной новелле, уложили «маленькую стыдливую кузину» спать между собой, пока их мужья храпели в соседней комнате после кабаньей охоты. Усадьбы разных родичей, у которых я время от времени гащивал в своей ранней юности под палевыми летними небесами в той или иной губернии прежней России, предоставляли мне столько податливых горничных и светских кокеток, сколько могли бы предложить чуланы и будуары двумя столетиями раньше. Словом, если годы моего детства могли бы послужить предметом для диссертации, способной принести какому-нибудь педопсихологу пожизненную славу, моя юность, с другой стороны, могла бы преподнести, и, в общем, преподнесла, урожай нема-

лого числа эротических пассажей, рассыпанных здесь и там, как подгнившие сливы и потемневшие груши, в книгах стареющего романиста. Собственно, ценность настоящих мемуаров в значительной мере обусловлена тем, что они являются собой *catalogue raisonné** источников и начал и занятых родовых каналов многих образов моих русских и особенно английских книг.

С родителями я видался редко. Они разводились, вновь женились и разводились столь стремительно, что если бы хранители моего состояния были чуточку менее бдительны, меня бы в конце концов спустили с молотка чете каких-нибудь неизвестных родичей по шведской или шотландской линии — со скорбными мешочками под голодными глазками. Моя двоюродная бабушка, баронесса Бредова, урожденная Толстая, женщина незаурядная, с лихвой заменила мне более близкую родню. Ребенком семи или восьми лет, уже таившим в себе зачатки закоренелого безумца, я даже ей, которая сама была далека от нормы, казался чересчур уж мрачным и апатичным; на деле я, разумеется, всю грезил наяву самым возмутительным образом.

«Будет тебе киснуть! — восклицала она, бывало. — Взгляни на арлекинов!»

«Каких арлекинов? Где?»

«Ах, повсюду. Вокруг тебя. Деревья — арлекины, слова — арлекины. А также числа и ситуации. Сложи вместе две вещи — курьезы, отраженья, —

* Систематический каталог с краткими пояснениями (*фр.*).